
С. И. РУДАКОВ, К. Н. ФИЛИПЦЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается взаимодействие политического и культурного факторов, которое становится все более определяющим в мировом общественно-политическом развитии, вызывая пробуждение многочисленных национально-культурных идентичностей и порождая ценностно-нормативные расколы в обществе. Цель данной статьи – теоретически осмыслить понятия «политическая культура» и «гражданская идентичность», чтобы выяснить, какое влияние они оказывают на развитие общества. Авторы исследуют проблему соотношения политической культуры и гражданской идентичности как элементов политической системы общества, демонстрируя их потенциал в социокультурной интеграции.

Ключевые слова: политическая культура, гражданская идентичность, гражданская культура, политическая система общества, социокультурная интеграция.

The present article considers the interaction between political and culture factors that becomes determinative for the world social-political development since it awakens many national-culture identities and causes value and norms split in the society. The purpose of this article is a theoretical interpretation of the political culture and civil identity concepts which is required for the analysis of their impact on the development of society. The authors study the problem of correlation between political culture and civil identity as the elements of a society's political system and reveal their opportunities for the social and cultural integration.

Keywords: political culture, civil identity, civil culture, political system of society, sociocultural integration.

Политическая сфера современного общества отличается масштабностью и многоуровневым характером, требующими при исследовании соответствующей систематизации и интерпретации. Однако в социально-философском и политическом знании нет единства мнений относительно параметров интегративного подхода, способного отразить многообразное содержание политической действительности при признании ограниченности институционального анализа, традиционного для политического дискурса. Взаимодействие политического и культурного факторов становится все более определяющим в мировом развитии, вызывая пробуждение многочисленных национально-культурных идентичностей и порождая ценностно-нормативные расколы. Это обуславливает актуальность использования культурно-ориентированного анализа политической реальности. Именно поэтому в научной литературе и политической публицистике необычайно часто упоминаются термины «политическая культура» и «гражданская идентичность», на которые возлагается функция консолидации общества в целях формирования гражданской политической культуры. Цель данной статьи – теоретически осмыслить понятия «политическая культура» и «гражданская идентичность», чтобы выяснить, какое влияние они оказывают на развитие общества.

Политическая культура возникает на пересечении политики, политического и культуры. Названные составляющие синтезируются и создают качественно новое явление, способом существования и выражения которого выступают политические отношения. Субъектно-объектные отношения в политических процессах фиксируют основное содержание политической культуры. Поэтому данный феномен рассматривается как элемент политической системы общества. В отличие от других элементов политическая культура акцентирует внимание на человеке, являющемся главным действующим лицом политических процессов, ибо она указывает конкретно на политические ориентации индивида по отношению к политической системе и роли собственного «я» в политической системе. Под ориентациями подразумеваются интернализированные аспекты политических объектов и возникающих в результате

взаимодействия зависимостей. Как писали Г. Алмонд и С. Верба, «когда мы говорим о политической культуре общества, то подразумеваем политическую систему, как она интернализуется в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках тех, кто его составляет» [Алмонд, Верба 2014: 29].

Характер и степень участия индивидов в политике в соответствии с политическими ориентациями дали основание Г. Алмонду и С. Верба выделить три типа политической культуры: парохильную, подданническую и участническую. Ни один тип не существует в чистом виде. Изменение политической культуры от одного типа к другому стабилизируется в целом ряде точек континуума и порождает совершенно разные политические, культурные и психологические смещения, имеющие значение для нормального функционирования политической системы. Политическая культура предстает в виде частоты различных видов когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций, выраженных в нуле или единице, по отношению к политической системе в целом, к ее аспектам на «входе» (поток требований от общества и конвертирование их в правительственные стратегии) и «выходе» (процесс реализации правительственных стратегий), а также к себе как политическому актору.

В западной и отечественной философской традиции идентичность означает тождество. Она применяется для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых целостностей, которые тождественны сами себе. Идентичность не является свойством, присущим индивиду изначально, она представляет собой отношение, ибо формируется и закрепляется только в ходе социального взаимодействия. Так как только человек способен относить или не относить к себе определенные значения, идентичность может быть атрибутирована только человеком, и групповая идентичность не представляет собой устойчивого единства. В структуре идентичности позволительно выделить индивидуальный (сообщает человеку качество уникальности) и социальный уровни (результат идентификации человека с ожиданиями и нормами социальной среды). Когда речь идет о социальном уровне идентичности, име-

ется в виду особое измерение человека, обозначаемое как «социальное Я». Данный концепт недопустимо смешивать с понятием «коллективная идентичность», точно так же как общество неприемлемо мыслить по аналогии с личностью, ибо в отличие от личности общество не обладает качеством субъектности. Поэтому говорить о «желании», «воле» или «чувствах» общества (коллектива, группы) – значит выражаться метафорически. Игнорируя указанное обстоятельство, мы произведем некритический переход от индивидуального к социально-структурному уровню, что приведет к гипостазированию понятия «идентичность».

Индивидуальный и социальный уровни идентичности взаимосвязаны и взаимообусловлены, ибо представления человека о самом себе, воспринимаемые им как его собственные, формируются в результате социализации. Стоит отметить, что иногда человек отторгает общепринятые нормы и ценности, противопоставляя им иные, которые могут быть обусловлены многими причинами, в том числе революционными или расистскими взглядами человека. Но отторжение происходит после переоценки человеком интериоризированных ценностей и норм. В зависимости от критерия идентификации принято определять следующие типы социальной идентичности: цивилизационная идентичность (российская, китайская, индийская, западноевропейская), геополитическая идентичность (островное государство, мировая держава, региональная держава), региональная идентичность (кавказец, сибиряк, балтиец, дальневосточник), политическая идентичность (националист, консерватор, либерал, социалист, демократ), профессиональная идентичность (учитель, врач, столяр, спортсмен), этническая идентичность (русский, украинец, белорус, бурят).

Создатели теории социальной идентичности Г. Тэджфел и Дж. Тернер понимали под социальной идентичностью результат множественной системы социальных идентификаций, выступающих как главный объяснительный принцип социального поведения и межгруппового взаимодействия. Но В. С. Агеев справедливо замечал, что вне поля их зрения осталась деятельностная природа когнитивных процессов, ибо объективные условия, в которых существуют

социальные группы, опосредуют когнитивные процессы и, следовательно, генезис социальной идентичности. В том случае, если определенные стороны социальной действительности представляют собой среду, где формируются отношения между социальными группами, объективные обстоятельства оказывают непосредственное влияние на субъективную сферу человека. Однако следует учитывать и обратное влияние как когнитивных процессов, так и межгруппового взаимодействия на объективно существующие общественные условия [Агеев 1990: 36–38].

Употребление термина «идентичность» с предикатом «гражданская» ассоциируется с понятиями «государство», «гражданин» и «гражданская культура», которая является неотъемлемым свойством демократического политического режима. Поэтому у исследователей возникает желание создать модели, по образцу которых будет возможно конструировать гражданскую идентичность, чтобы ускорить демократические процессы в государстве. Гражданская идентичность как тип социальной идентичности является элементом политической системы, ибо предполагает самоидентификацию человека с определенным государством (формируя такие личностные качества, как гражданственность и патриотизм) и обществом во всех его типических социокультурных измерениях (картина мира, ценности, менталитет, язык, нормы поведения). Отсюда платформой формирования гражданской идентичности являются устойчивые социокультурные характеристики общества, выступающие как экономические, политические, национальные и религиозные особенности развития страны.

Гражданская идентичность объективируется посредством отождествления индивидов с определенными позициями в социокультурном пространстве и фиксируется через социальные практики, вырабатывая модели и стереотипы поведения в экономическом, политическом и культурном полях идентификации. Культурное поле задает ценностно-нормативную структуру гражданской идентичности и выступает конституирующим по отношению к другим полям, являясь своеобразной матрицей, в пределах которой происходит создание социальной реальности. В экономическом поле

гражданская идентичность реализуется через отношение к способу организации экономической жизни общества, в политическом поле – через отношение к политической системе, создавая идентификационное основание для развития массовых социальных практик, воспроизводящих общество как особую социокультурную систему [Гришина 2003: 336].

Представление о характере и содержании процесса идентификации дано в трактате П. Бергера и Т. Лукмана, которые отмечали, что «идентичность объективно определяется как размещение в определенном мире, и она может быть субъективно усвоена лишь наряду с этим миром» [Бергер, Лукман 1995: 215]. Они ввели понятие вторичной социализации. На этапе первичной социализации происходит интернализация общества как такового, а значит, и устанавливаемой объективной реальности, и одновременно субъективное утверждение целостной идентичности (смысл и непрерывность «я»). Общество, идентичность и реальность выкристаллизовываются в сознании субъекта в процессе интернализации. На этапе вторичной социализации осуществляется интернализация институциональных или институционально обоснованных «подмиров», ибо индивид не в состоянии одновременно интернализировать всю совокупность того, что объективировано в обществе в качестве реальности.

Книга Дж. Л. Коэна и Э. Арато «Гражданское общество и политическая теория» представляет гражданскую идентичность в качестве элемента гражданского общества, под которым авторы понимают «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семью), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации» [Коэн, Арато 2003: 7]. Гражданское общество включает в себя три структурных компонента – культуру, общество и личность. В той мере, в какой акторы понимают друг друга и приходят к согласию по поводу определенной ситуации, они выступают носителями единой культурной традиции. В той мере, в какой они координируют свои действия посредством интерсубъективно при-

знанных норм, они действуют как члены социальной группы, объединенной солидарностью. По мере того как индивиды формируются в рамках определенной культурной традиции и принимают участие в жизни социальных групп, они интернализируют ценностные ориентации, осваивают генерализованные навыки действий и обретают индивидуальную и социальную идентичность [Коэн, Арато 2003: 551–552]. Структурная дифференциация гражданского общества происходит благодаря появлению институтов, которые специализируются на поддержании традиций, солидарностей и идентичностей (институты социализации, социальные группы и ассоциации, институты культуры).

Итак, гражданская идентичность, выступающая как осознание принадлежности к сообществу граждан конкретного государства, имеет для индивида значимый смысл, так как она основана на общности, характеризующей ее как коллективного субъекта, обладающего одинаковыми ценностями, единой культурной традицией и солидарностью. Гражданская культура предполагает сочетание участнических политических ориентаций с подданническими и парохияльными ориентациями, никак не заменяя последние. Неучастнические политические ориентации, которые более традиционны, имеют тенденцию ограничивать приверженность человека политике, что приводит к сбалансированной политической культуре (а именно: гражданской культуре), в которой политическая активность, вовлеченность и рациональность уравновешиваются пассивностью, традиционализмом и преданностью парохияльным ценностям. Это позволяет гармонизировать политическую культуру и политическую систему общества. Г. Алмонд и С. Верба предостерегли, что не следует подменять понятие «гражданская культура» «рационально-активистской моделью» политической культуры, характеризующейся рекомендуемыми нормами поведения гражданина в условиях демократии [Алмонд, Верба 2014: 51]. Поэтому гражданская идентичность формируется в обществах с различными типами политической культуры и не является атрибутом только гражданской политической культуры (например, идентичность со-

ветских граждан, отличавшихся высокой степенью гражданственности и патриотизма).

Современный исследователь А. А. Рухтин рассматривает гражданскую идентичность как оптимальный способ «безболезненного» ответа на вызовы современности, так как она «представляет собой своего рода надстройку, которая основывается на универсальной нормативной системе (носит публично-правовой характер), сосредоточена не на поиске особенных начал и оснований для общественной интеграции, а на максимально общих потребностях, интересах, решениях. Характеризуется открытостью, публичностью, уважением как к частным, так и групповым интересам. Сочетает права и обязанности, свободу и ответственность. Тем самым сохраняется пространство автономии личности, что проявляется в толерантном отношении к другому. Гражданская идентичность реализуется на практике в форме гражданской инициативы, благодаря которой формируется специфический опыт гражданской деятельности и участия» [Рухтин 2010: 133].

Следовательно, А. А. Рухтин, предлагая утвердить «универсальную нормативную систему», тем самым субстанциализирует гражданскую идентичность, превращая теоретический конструкт в сущность, или изменчивые отношения, формирующиеся в процессе социального взаимодействия, в неизменные сущности. Но каким же образом «универсальную нормативную систему» можно наполнить реальным содержанием и превратить теоретический конструкт в сущность? В современном обществе человек имеет множество идентичностей. Самоидентификация человека (его самоопределение и самосознание) зависит от целого ряда причин и факторов, знание которых, безусловно, позволяет человеку корректировать внешнее воздействие на создание таких условий социализации, которые позволяют формировать личность с высокой гражданской ответственностью. Рухтин полагает, что становление гражданской идентичности возможно искусственным способом, при помощи масштабной реинтерпретации традиций, лежащих в основе любой политической культуры: «...для конструирования именно “гражданской идентичности”, на первом этапе, необходимо

направить усилия на формирование необходимых политико-культурных традиций, чтобы создать специфическое пространство “универсала”. Это возможно благодаря поощрению гражданской активности через систему стимулов и мотивов. <...> Реализация этого сценария осуществляется через вхождение граждан в гражданские ассоциации и общественные движения, построенные на принципе общих интересов и потребностей независимо от этно-национальной принадлежности или “клановости”» [Рухтин 2010: 135].

Возникают и другие вопросы. Кто именно будет «формировать необходимые политико-культурные традиции» и каковы они будут по содержанию? Если интеллигенция, то она столь разнородна по политическим и культурным предпочтениям, что не в состоянии представить смылосодержащие идеи, способные объединить народ. Если органы государственной власти, то они состоят из носителей различной социокультурной идентичности. И нет никакой гарантии, что процесс иной интерпретации традиций не превратится в борьбу с ценностно-культурным опытом социальных групп, которые не представлены в государственном аппарате. История знает немало примеров именно такого «создания» гражданской идентичности (например, в национал-социалистической Германии). Как отменить состоявшуюся социализацию граждан? Пока прежние социокультурные идентичности являются фактом, будет существовать и доминирующая традиционная политическая культура, которая может не принять предложенные новации. Кроме того, групповые идентичности не представляют собой устойчивых образований, поэтому, чтобы создать стабильные социальные общности, необходимо реорганизовать фундаментальные основы общества. Какие стимулы и мотивы предполагает использовать автор, чтобы изменить пассивную позицию граждан в российском обществе, где на долю 10 % самых обеспеченных россиян приходится 82 % всего личного богатства в России?

Рассмотрим проблему идентичности применительно к нашей стране. Произошедшие перемены в 90-е гг. XX в. вызвали разочарование в обществе, так как построенный в России капитализм соответствовал карикатурным изображениям советской пропаганды.

В результате реформ произошли демодернизация и рекультуризация, что вызвало аномию общества и реанимировало наиболее архаичные пласты сознания и культуры. Члены общества, дезориентированные в представлениях о культурных образцах, социально признанных идеалах и смысле жизни, не встретили со стороны государства помощи и вынуждены были перейти к самопомощи (выживанию или обогащению) в целях преодоления анархических условий, сопутствовавших разрушению социалистической системы. Кардинальные изменения привели к разрушению институциональной системы советского общества и к массовой утрате идентичностей, в том числе к кризису гражданской идентичности советских людей, потому что определяющиеся в процессе социализации идентичности имеют институциональный характер (семья, образование, экономика, власть) и реализуются посредством соответствующих этим институтам стандартов и стереотипов поведения.

Чтобы восстановить гражданскую идентичность, следует оценить объективно существующие социальные условия, формирующие потребности и интересы граждан и детерминирующие процессы межгруппового взаимодействия в обществе: дифференциальные процессы, ответственные за создание социальной идентичности и аутентичности социальных групп, и интегративные процессы, необходимые для выделения социальных групп в отличную от окружения целостность и вхождения их в большие социальные общности для дальнейшего существования групп в системе общественных отношений. Это даст возможность ответить на вопросы, каковы наши потребности и интересы, кто мы такие и куда стремимся. В ситуации разрушения общественных ценностей, норм и правил необходимо аккумулировать все оставшиеся значения в сознании многих людей, в повседневности и в практике, и теоретически аргументировать новые, обладающие смысложизненным содержанием, дабы сделать эти значения социально признанными в масштабах всего общества и стимулировать процессы социальной идентификации. Это позволит, опираясь на интегративные межгрупповые процессы, объединить россиян в большую социальную

общность на ценностях и нормах более высокого порядка – гражданственности. Трудности и проблемы становления гражданской идентичности россиян обусловлены низким уровнем доверия граждан к государственным институтам, игнорирующим глубокую социальную дифференциацию общества, отсутствием отлаженных механизмов социализирующего воздействия и внятной политики в данном вопросе.

В итоге следует констатировать, что существует взаимосвязь политической культуры (вне зависимости от ее типов) и гражданской идентичности, так как обе формируются на основе социокультурных ценностей, политических, национальных и религиозных особенностей развития страны; обе имеют помимо объективной субъективную составляющую, которая относительно произвольно конструируется индивидом. Гражданская идентичность обладает значимым смыслом для человека, так как она основана на общности, характеризующей ее как коллективного субъекта, имеющего одинаковые ценности, единую культурную традицию и солидарность в рамках одного государства, что обеспечивает устойчивость политической системы и общества в целом. Рациональное воздействие на взаимодействия социальных групп позволит влиять на процессы социальной идентификации и объединить членов общества в большие группы как на уровне повседневности, так и на уровне социальной системы, на основе ценностей и норм гражданственности. Политическая культура обеспечивает интеграцию микро- и макроуровней общественно-политической жизни. Гражданская идентичность и политическая культура являются факторами консолидации общества, обеспечивая стабильность социального развития.

Литература

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль, 2014.

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Гришина Е. А. Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. В. Н. Иванова. Т. 1. А – М. М. : Мысль, 2003.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.

Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь Мир, 2003.

Рухтин А. А. Гражданская идентичность и политическая культура: возможности социальной интеграции // Молодой ученый. 2010. Т. I. № 12. С. 131–138.